

УДК 340.112

О НАУЧНОМ ПОНЯТИИ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ**И. Л. Вершок**

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы научного определения понятия правовой системы. Дается оценка категории «правовая жизнь», имеющей междисциплинарное значение. Анализируется проблема структуры и границ правовой жизни, характеристика субъекта в ней.*

***Annotation.** The problems of scientific definition of the concept of legal system are considered. The analysis of the category «legal life» is given. Its interdisciplinary importance is recognized. The problem of the structure and boundaries of legal life, the characteristics of the subject in it are analyzed.*

***Ключевые слова:** правовая система, правовая жизнь, правовое сознание, правовая реальность.*

***Keywords:** legal system, legal life, legal consciousness, legal reality.*

Современная юридическая доктрина широко использует термин «правовая система», который наряду с другими важнейшими понятиями и категориями претендует на универсальность и междисциплинарный статус. Закономерно возникает проблема достижения точности терминологии в научных дискуссиях не только внутриотраслевого, но и межотраслевого уровня. Требуется решения вопрос о постоянстве смысловых границ словосочетания «правовая система», используемого в контексте различных философских дискурсов, типов правопонимания или отраслей права. Например, в сравнительном правоведении наблюдается содержательное сближение терминов «правовая система» и «правовая семья», а в конституционном праве словосочетание «правовая система» подразумевает характеристику правовых феноменов конкретного государства, имеющих уникальные черты, обусловленные особенностями его конституционно-правового строительства.

В современной общей теории права термин «правовая система» детерминирован различным контекстом, предметом научного анализа и конкретным исследовательским инструментарием. Многозначность словосочетания «правовая система» в значительной мере обусловлена разным ракурсом при интерпретации и неодинаковой степенью обобщения в определениях права, являющихся смысловой основой для образования прилагательного в термине «правовая система». Кроме того, достаточно абстрактным выглядит огульное использование

термина «система» для обозначения глобальной совокупности правовых и государственных феноменов любой страны. При научной характеристике некой системной совокупности методологически оправданно уточнять, к какому типу систем мы относим изучаемое явление — биологических либо социальных, существующих объективно или идеальных, естественных либо искусственных и т. д. В противном случае сложно определить границы термина «правовая система» и описать, какие реальные феномены правовой реальности он включает в себя.

По этой причине на фоне широко распространенного разграничения терминов «правовая система» и «система права» ряд исследователей, наоборот, констатируют их синонимичность [1, с. 449–450], а некоторые обращают внимание на то, что понятие правовой системы необоснованно оставляет за своими рамками негативные правовые явления [2, с. 6]. Для более глобальной и объективной типологии правовых явлений в доктрине появляются случаи использования иных критериев, относящихся не к юридической, а к иной, например, материальной (экономической) или идеально-духовной (культурной) сфере. В результате в качестве оснований выделения таксономических единиц берутся общественно-экономическая формация, цивилизация, способ выработки, систематизации и толкования правовых норм (Р. Давид), правовой стиль (К. Цвайгерт и Х. Кетц), исторические формы признания и организации свободы людей [1, с. 242].

Каждая из соответствующих им типологий имеет собственные критерии, которые не всегда взаимно дополняют, но иногда дублируют или вообще противоречат друг другу. Например, научная дискуссия о спорности использования цивилизационного признака для типологии права и государства основана на том, что культура плохо поддается внешним оценкам, и сторонники цивилизационного подхода «используют маленькую хитрость: они подменяют прежние формации новыми “цивилизациями”» [3, с. 116].

Кроме того, из предмета исследований часто выпадает функциональная связь компонентов друг с другом и с универсальной таксономической единицей. В результате происходит искусственное формирование новых конструкций в качестве таксономических универсумов еще более высокого уровня абстрагирования. Так, в настоящее время наряду с использованием таких характеристик права в целом, как правовая семья и правовая система, начинают появляться новые понятия: правовое пространство [4, с. 38; 5, с. 8], «юридическая карта мира», юридический мир (как результат конвергенции правовых систем) [6, с. 14–17], институциональная инфраструктура, обусловленная вхождением национальной правовой системы в определенную правовую семью [7, с. 70–71].

Особенно показательным представляется выделение категории «правовая жизнь» [8, с. 14].

Некоторые авторы признают схожесть понятий «правовая жизнь» и «правовая культура», подчеркивая их соотношение как целого и части [9, с. 33]. Другие указывают на то, что цель объединения в одной правовой категории (правовая жизнь) идеальной сферы правового долженствования и мира, который преобразуется правом, притягательна, но вряд ли достижима [10, с. 8]. В иных случаях правовая жизнь фактически отождествляется с правотворческой и правореализующей деятельностью [11, с. 338].

Проведем границы фактического содержания термина «правовая жизнь», обуславливающие его научное определение. В литературе правовая жизнь характеризуется в качестве совокупности всех форм юридического бытия общества, выражающейся в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), в уровне существующей юридической действительности, в отношении субъектов к праву [2, с. 9, 12]. В указанной интерпретации остается открытым вопрос о границах феномена, именуемого правовой жизнью, а также о том, какие конкретно «иные проявления права» включает в себя феномен правовой жизни, а какие — нет.

Сильной стороной выделения термина «правовая жизнь» в качестве универсальной категории, объединяющей различные правовые феномены, включая и те, которые входят в правовую систему, является то, что в определение правовой жизни попадают такие явления, как «отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов». Согласимся также с суждением о том, что правовая жизнь имеет «принципиально субъектный характер», в ней человек обязательно выступает в качестве цели, но никогда только как средство правовой жизни [12, с. 66]. Таким образом, в феномен правовой жизни опосредованно включен такой компонент, как отношение субъекта к праву, то есть некоторые проявления его правового сознания.

Соответственно, границы правовой жизни обусловлены правовыми, социальными, биологическими, юридическими и психологическими факторами жизнедеятельности человека. Однако правовая жизнь существенно связана не только с самим отношением к праву, но и со многими другими процессами правового сознания, которые предшествуют формированию отношения к праву. Так, правовая жизнь имманентно связана со сложными процессами восприятия, отражения, осмысления и интерпретации в правовом сознании субъектов, проявляющих активность: весь «процесс правового осознания социальной действительности» охвачен правовой жизнью [12, с. 68]. Правовое сознание интенционально направлено не только на предмет правовой реальности,

соответствующий потребностям и интересу субъекта, но и на норму права, опосредующую соответствующие социальные взаимодействия.

При характеристике правовой жизни считаем наиболее обоснованным изучение не столько абстрактного субъекта, типизированного по признаку наличия право- и дееспособности, сколько человека со всеми свойственными для него социальными, физиологическими и психологическими параметрами, обуславливающими его жизнедеятельность (изменчивость и воспроизводство) в окружающей среде, причем целиком и комплексно. Человек постоянно находится в той части правовой жизни, которую условно можно назвать правовой реальностью. Большое количество имущественных, семейных, финансовых правовых отношений, особенно выраженных в форме правомерного поведения, воспроизводятся в повседневной практике человеческого общения, но при этом так и остаются латентными как для внешней инстанции, так и для самого субъекта, который не задумывается, что является субъектом реального, фактического правового отношения в ситуации «здесь и сейчас». В правовой реальности он живет и рутинно воспроизводит правовые нормы. В этой связи представляется спорным в качестве субъекта правовой жизни признавать государство [13, с. 13, 16], не уточняя, о каком именно представителе государства конкретно идет речь и в каких функциональных полномочиях он себя проявляет в определенном случае.

Однако когда осуществляется деление правовой жизни на естественную (жизненный мир права, или собственно жизненный мир) и сознательную (системный мир официальных легитимированных и осознанных правовых форм, опосредующих извне изначально заданный людям порядок, задающий разумные рамки возможного и должного) [2, с. 9, 12], необходимо уточнять, по какому критерию его производят. Если один мир правовой жизни признается естественным, то, следуя логике, второй должен быть искусственным, а если второй называется сознательным, то первый необходимо относить к бес- или под-сознательному, что не всегда подтверждается эмпирически. Мир, обозначенный в качестве сознательного и системного, нельзя признать полностью искусственным и произвольно сконструированным, в нем свои генетические закономерности бытия.

В этой связи представляется более точным и эмпирически обоснованным в категории «правовая жизнь» выделять два уровня онтологического бытия: правовой реальности как повседневной практики правового взаимодействия между людьми и юридической действительности как сферы юридического взаимодействия субъектов права в правотворческом и правоприменительном процессе.

Появление терминологической новеллы, связанной с формированием понятия «правовая жизнь», косвенно связано с научным признанием того факта, что право не представляет собой предельно рационализированную систему. Правовая жизнь охватывает такие феномены правовой реальности, которые на математическом языке называются «вычислительно неприводимыми явлениями» [14, с. 33]. Это такие явления, динамику которых невозможно объяснить лишь с позиций формальной логики или аксиомы. Повторное воспроизводство феноменов правовой жизни никогда не будет абсолютно идентичным: чтобы знать, ее надо прожить.

1. Нерсесянц В. С. Общая теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и факультетов. М. : НОРМА, 1999. 552 с. [Вернуться к статье](#)
2. Малько А. В., Трофимов В. В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» // Государство и право. 2010. № 7. С. 5–13. [Вернуться к статье](#)
3. Комаров С. А. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие ; под ред. М. Н. Марченко. М. : Юрист, 2002. С. 89–120. [Вернуться к статье](#)
4. Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Москов. акад. МВД России. М., 2007. 54 с. [Вернуться к статье](#)
5. Жужгов И. В. Мониторинг правового пространства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ростов. гос. ун-т. Ставрополь, 2006. 24 с. [Вернуться к статье](#)
6. Саидов А. Х. Юридическая глобалистика: глобальный подход к правовой карте мира // Право и государство. 2013. № 4 (61). С. 14–17. [Вернуться к статье](#)
7. Демидова И. А. Идеальные типы правовых культур: основания классификации, специфика // Весн. Магілёўскага дзярж. ўн-та імя А. А. Куляшова. Сер. Д, Эканоміка, сацыялогія, права. 2014. № 2 (44). С. 66–72. [Вернуться к статье](#)
8. Малько А. В., Слободнюк С. Л. Правовая жизнь, правопорядок и правовая реальность: проблемы соотношения // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2013. № 1 (90). С. 11–15. [Вернуться к статье](#)
9. Гурьев В. В., Затонский В. А. Правовая культура как элемент правовой жизни и критерий ее качества // Правовая культура. 2021. № 1 (44). С. 30–37. [Вернуться к статье](#)
10. Черных Е. Н. Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8–15. [Вернуться к статье](#)
11. Хаконова И. Б. Роль правосознания в правовой жизни общества // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 338–341. [Вернуться к статье](#)
12. Пузиков Р. В. Правовая жизнь России: понятие и сущность // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 61–69. [Вернуться к статье](#)
13. Малько А. В., Затонский В. А. Государство как субъект правовой жизни общества // Государство созидающее: правовые ресурсы формирования : материалы

Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юрид. ин-та НИУ «БелГУ», Белгород, 22 нояб. 2018 г. Белгород : ГиК, 2018. С. 13–17. [Вернуться к статье](#)

14. Букстейбер Р. Рациональная неопределенность: манифест о природе экономических кризисов, их прогнозировании и преодолении / пер. Д. Шалаевой. М. : Эксмо, 2021. 304 с. [Вернуться к статье](#)